

О символическом аспекте наказания участников смоленской осады 1502 г.

Научный руководитель – Тарасов Аркадий Евгеньевич

Сдирков Алексей Витальевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра истории России до начала XIX века, Москва, Россия

E-mail: asdirkov@yandex.ru

Рубеж XV - XVI вв. в России отмечен не только формированием централизованного государства. Это было время эсхатологической напряженности, вызванной представлениями о наступлении Страшного суда по окончании семи тысяч лет от Сотворения мира. Многие традиционные взгляды на различные явления подвергались пересмотру. Вообще средневековая мысль воспринималась и выражалась на языке символов и аллегорий, а любому событию могло приписываться огромное символическое значение[2].

В условиях, когда мировосприятие русских людей было наполнено острыми переживаниями, они внезапно сталкиваются с новой угрозой. Это время отмечено появлением явления, оказавшего большое влияние на русскую и европейскую культуру: эпидемии сифилиса. Названий у болезни было много, но терминологическую войну выиграла Франция в силу своего географического положения[1]. В 1499 г., незадолго до начала войны с Литвой, Иван III послал туда сына боярского Ивана Мамонова с наказом узнать, не приезжал ли кто в Вязьму из Смоленска с «французской болезнью»[4].

Так что проблема существовала, и определенные известия об этом есть. Очевидно, распространению сифилиса способствовала русско-литовская война 1500 - 1503 гг., как это произошло в ходе Итальянской войны 1494 - 95 гг. Неоднократно об этой болезни говорится в «Домострое». Там упоминаются ««телу согнтие», «тайным удом отгнтие» и «френчюги»[3], которые вполне можно признать симптомами одного заболевания. В целом описанное нами явление несомненно воспринималось как Божье наказание, что укладывалось в эсхатологические настроения того времени.

С данной болезнью может быть связан следующий необычный эпизод наказания. Речь идет о последствиях неудачной осады Смоленска русскими войсками под руководством сына Ивана III Дмитрия в 1502 г. Тогда великий князь разгневался на детей боярских, которые, по словам Дмитрия, не только не слушались его, но грабили смоленские окрестности «безъ его ведома». Многих он велел подвергнуть торговой казни, после чего бросить в тюрьму[6].

Естественно, в то время боевые действия часто приводили к разного рода бесчинствам с обеих сторон, на которые обычно закрывали глаза. Так, в ходе той же осады Смоленска не только было убито множество людей и сожжены окрестности, но и взят огромный плен[6], что вряд ли могло быть сделано без санкции великого князя. При этом в летописи не говорится о смертной казни кого-то из провинившихся дворян, их подвергли позорящему наказанию и отправили в заключение. Между тем скорый на расправу Иван III в условиях войны с Великим княжеством Литовским едва ли проявил бы милосердие к виновным. Так, в 1484/85 г. он хотел повесить 30 новгородских бояр за мнимую измену[5].

Создается впечатление, что грабители смоленских волостей были специально изолированы от общества и наказаны не за банальный грабеж, а за нечто иное. Вполне возможно, что слишком активное «взаимодействие» русских войск с пленным населением Смоленска привело к распространению люэса в действующей армии и внесло свой вклад в неудачное

завершение осады. Всего тремя годами ранее в городе уже бушевала эпидемия. Возможно, у Дмитрия были какие-то инструкции от отца, более осведомленного о ситуации в Смоленске. Эти инструкции могли определять «правила» грабежа в условиях эпидемии и, вероятно, не все их соблюдали (Дмитрий специально обращает внимание на то, что грабили «безъ его ведома»). Неслучайно упоминается о специальных розыскных мерах великого князя, направленных на выявление виновных[6], а не всех подряд, участвовавших в осаде.

Учитывая это, а также восприятие в средневековом обществе эпидемий как Божьей кары за грехи, можно полагать, что способ наказания участников смоленской осады носит определенную символическую окраску. Во-первых, на это указывает характер экзекуции. Торговая казнь - публичное битье кнутом на торговой площади - была основным телесным наказанием в то время. Во многом оно было направлено именно на публичное осмеяние (бесчестье)[7], и также служило цели назидания.

Во-вторых, немаловажно и дальнейшее заключение упомянутых детей боярских в тюрьму. Как справедливо отметил С. О. Шаляпин, помещение в темницу рассматривалось древним сознанием как символическая смерть, во время которой у человека имеется возможность испытать на себе силу Страшного суда[8]. Подземные темницы, не имеющие деревянного пола, а часто еще и расположенные вблизи монастырских усыпальниц, были призваны оказывать символическое воздействие на узника, создавая совершенно реальный образ физической смерти[8].

Если вина вышеназванных участников неудачной осады действительно состояла в распространении болезни в войске, и при этом они сами стали жертвой этого недуга, их публичное наказание с последующим заключением в темницу выглядит глубоко символично. Таким образом можно было не только продемонстрировать народу последствия Божьего наказания, но и заставить казнимых испытывать не только физические, но и душевные муки от неизлечимого заболевания, насланного за их грехи.

Источники и литература

- 1) Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII в. Т. 1. М., 1986.
- 2) Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
- 3) Домострой. СПб, 2007.
- 4) Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 6. СПб, 1819
- 5) Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М., 2001.
- 6) Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Пг, 1921.
- 7) Тарасов А. Е. Антиповедение в культуре средневековой Руси: два случая поругания конца XV в. // *Studia Culturae*. 2014. Вып. 21. С. 162-175.
- 8) Шаляпин С. О. О символизме средневековой церковно-пенитенциарной практики // *Актуальные проблемы правовой науки: сборник научных трудов юридического факультета*. Вып. 2. Архангельск, 2002. С. 59-73.